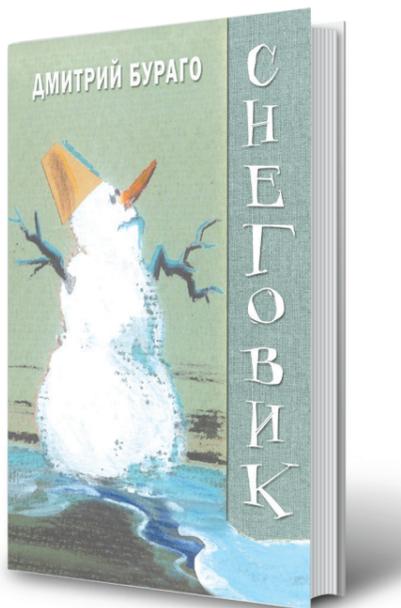


Стихи о тепле в разгар метели



Поэтический сборник Дмитрия Бураго, изданный в Киеве, начинается со стихотворений, воспринимаемых как вневременные, не зависящие от исторической эпохи, которой они обязаны своим появлением, или во всяком случае, очень слабо зависящие от неё. Лишь настолько, насколько в ней — в эпохе — присутствуют классическая русская поэтическая традиция и культура, продуктом которой следует, безусловно, считать предлагаемую вниманию читателя книгу

Поэтическое сознание, присматривающееся к самому себе, осмысливающее и оценивающее само себя, практически не нуждается во внешних раздражителях и возбудителях, не опосредованных им самим. Оно вполне самодостаточно. И событийно жизненный, и интеллектуальный, и эмоциональный опыт лирического героя богаты, разнообразны, значимы. Они создают достаточно вместительное пространство, позволяющее без особого труда и напряжения, в своё удовольствие, с радостью прокладывать новые и новые сюжетные и ассоциативные тропки, открывая любопытные моменты в том, что уже пережито, что переживается, что ещё предстоит пережить.

Превращение в прицел авиатора («Авиатор») не вызывает трагических ассоциаций с политическими событиями дня сегодняшнего. «Цапли» не пробуждают иных переживаний, кроме тех, что им положено, исходя из определённого для них ли-

рическим героем предназначения просто ходить по «его болотам». Просто «глядеть на свет с изнанки», молчаливо присутствуя при его «влёте» в «растерянное детство», а также при других столь же интимных моментах, направленных на осмысление и прочувствование того, что было «прожито наспех», перемещениях в мире иллюзий и рефлексий. В «Месяце-снегопаде» нет намёка на возможность появления Снеговика Голема, в котором позже проявится весь страх и ужас эпохи. Две доминантные черты поэтического мира Дмитрия Бураго — интеллектуальность и культурологичность — проявляются тут в полной мере. Они в каком-то смысле затеяют лиризм, затмевают его, с завидной регулярностью и убедительностью отодвигая на второй план.

Своеобразным композиционным рубежом становится стихотворение «21 февраля 14-го». В нём самом и в текстах, размещённых в сборнике перед и после него, появляются совершенно новые мотивы, акценты, интонации. Неизбывная боль, ощущение большой беды, осознание непоправимости произошедшего, безвозвратности того, что утрачено «в палеве Карфагена». И «маминой Одессы» с её — Одессы — воспоминаниями — тоже («Я был почти уже несчастен...»). Предельно лаконичные, максимально сжатые, стиснутые слова, как бутылки с зажигательной смесью летящие в душу народа, волею судеб оказавшегося вдруг на страшном изломе, в его духовность, культуру, наконец, в самую сердцевину народности — национальную идентичность.

Происходит перелом. Точнее говоря, сразу несколько переломов и словов: внешний и внутренний, объективный и субъективный, коллективный и индивидуальный, событийный и интерпретатив-

ный. Тот, что становится общим для всех, в лирике Бураго не отражен, его присутствие только обозначено средствами из разряда «за кадром». Этому, в общем, не стоит удивляться, речь-то идёт о лирике. Родовая принадлежность произведений диктует в данном случае свои правила игры.

Оптимизмом в стихотворениях этого условного, неформального и неоформленного цикла не пахнет. Ни личным, ни общим для всех, историческим. Даже намёка на оптимизм у Бураго нет. Вера в то, что победа будет за нами, отсутствует, лирический герой ни о чём подобном не помышляет. Есть неизгладимая боль, глубокое разочарование, вселенская усталость, опустошённость, обильно одобренные отчаянными попытками укрыться в привычном для поэта мире образов, рифм, реминисценций. Ну и, конечно, надежда. Надежда очень-очень скромная, скромнее, кажется, не бывает. Её питает ощущение того, что «огонь, как будто бы, притушен. / Зима пятнадцатого года» («В саду»). Поэт, как весь его народ, готов соглашаться на самую малость, на минимум-минимум, лишь бы удалось сохранить кое-что из того, что ещё можно спасти в лихую годину. И пожалуй, самое важное из остатков этого «всего» — родной дом.

Лирическому герою в какие-то моменты со всей очевидностью хочется кричать, вопить, голосить, чтобы выразить свои переживания, чтобы привлечь внимание окружающих и к ним, и особенно к тому, чем они вызваны. Вместо этого ему приходится переходить на шёпот: «мы все вместе ещё живём, / но об этом, конечно, шёпотом» («О грусти»). Ничего не поделаешь. «Какое время на дворе, таков мессия», — сказал классик.

Ударный аккорд книги — стихотворение «Снеговик», давнее название всему сборнику. Неизъяснимая, невысказанная боль выходит на авансцену, полностью и окончательно вступая в свои властные права («Старая ведьма бредит: Сынок! Сынок, / где же твой сладенький позвоночник, / чтобы звонить по нему тайком / изо всей боли!»). В один тугий клубок оказываются соединены и «зоркий хмель», и «родимый страх до седьмого пота», и «расстрельные стены», и «ликующие палачи», и, наконец, «отчаянный ледоход» и «жребий вдогонку».

Поэтический мир Дмитрия Бураго приобретает черты и особенности реального мира, хоть и остаётся при этом миром именно поэтическим, созданным из образов и ассоциаций. В этом неуравновешенном мире островок относительного покоя, уюта, благополучия, стабильности, дарованный лирическому герою судьбой в виде родного дома ещё продолжает оставаться в стороне от бурь и катаклизмов, сотрясающих мир вокруг него, но удары стихии и тут ощущаются всё сильнее и явственнее. Тревога проникает и сюда, она охватывает всё и вся, даже бабочку, которая встречается слону: «Из ряда выходящий вон / ко мне пришёл однажды слон / и рассказал, что по дороге / он видел бабочку в тревоге» («Слон»). Ощущение тревоги, пронизывающей настоящее лирического героя, обращённой и в прошлое, и в будущее, окончательно приобретает, таким образом, статус одной из главных символических доминант сборника.

Яков РУДЬ,
Киев

Задуманные «Беседы» Алексея Яшина

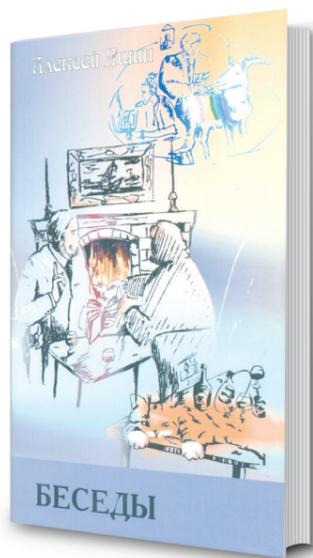
Алексей Яшин — автор трёх десятков книг, и каждая последующая открывает читателю всё новые грани его творчества. Писатель — отменный выдумщик в части фабульно-сюжетной организации романа и его литературной аранжировки. Так, настоящая книга написана в возрождаемом Яшиным жанре новеллино

Не следует сгоряча здесь говорить о пресловутой «смеси французского с нижегородским». Как нам представляется, именно этот жанр позволяет сочетать в рамках связанного изложения пространную свободу повествования и своеобразия авторского литературного языка.

На страницах книги сошлись два старинных приятеля: Николай Андреевич и знакомый нам по «Административному восторгу» (другой роман Алексея Яшина — Прим. ред.) Игорь Васильевич Скородумов — оба выпускники тулуповского флагмана военно-промышленного комплекса — НПО «Меткость», уже третьим по счёту американским президентом объявленного личным врагом Штатов за разработанные там ракеты, что в прежних ближневосточных войнах насквозь пронизывали американские танки «абрахамсы» и израильские «меркавы». От души потрудившись на благо советского и российского оружия,

оба в лихолетье девяностых перебрались в родной Тулуповский университет. Николай Андреевич — на кафедру ракетостроения военно-технического факультета скромным доцентом передавать свой немалый опыт юному поколению оружейников, а вот Игоря Васильевича повело в научный «разнос»: обзавёлся всеми мыслимыми научными и почётными степенями и званиями, стал издавать свой теоретический журнал, обосновавшись на новомодном факультете естественно-биологическим уклоном.

А местом задуманных бесед обозначили гостеприимный пригородный дом мудрого Прокофьяча, тоже из персонажей «Административного восторга», из дальней родни профессора Скородумова, в молодости служившего на крейсере «Киров» Северного флота. Триаду собеседников «замкнуло» происхождение Николая Андреевича — тоже из владений этого славного флота. И ещё Тихоновна — су-



при рождении нового человека, у которого аналоговое (творческое, художественное, и даже научное) мышление уступает место утилитарному, потребительскому цифровому. Оглянитесь вокруг себя и увидите уже явные черты такого нового человека: подросток, обвешанный гаджетами, рядовой клерк, весь день не отрывающий глаз от монитора, чиновник, на суконно-цинковом лице которого явно читается цифра взятки, желательна в долларах или евро...

Вот о таком-то превращении в бездумный винтик бездушной машины глобализма и беседуют наши приятели у камина в просторном доме Прокофьяча.

Критики часто упрекают Яшина в мрачности взглядов на действительность. Но ведь это вовсе не мрачность, а существо русского критического реализма. Достоевский что ли веселился? Или Максим Горький? С другой стороны — традиция русской литературы, заключающаяся в сочетании вроде как полного негативного отношения к описываемым реалиям с изрядной долей юмора и беспощадной сатиры.

Сейчас, когда Россию в очередной раз обложили, как медведя в берлоге, внешние и внутренние враги, явственно прочитывается и назначение книги Алексея Яшина: предупреждение о грядущем умозамещении русского народа. И автор выражает оптимизм: будем с этим бороться всем миром до последнего!

пруга Прокофьяча и матёрый кот Мичман — хранитель очага этого дома, пронизанного душевной теплотой.

Здесь стоит упомянуть, что Алексей Яшин не только писатель, но и учёный, изучающий современные эволюционные процессы. Он развивает мысль нашего великого академика Вернадского о переходе биосферы Земли в новое качество ноосферы, то есть сферы господства разума. Иными словами, все мы сейчас присутствуем